

УДК 111 + 1(091)

Паткуль Андрей Борисович,
старший преподаватель кафедры онтологии и теории познания
Санкт-Петербургского государственного университета,
a.patkul@spbu.ru

**ТЕЗИС М. ХАЙДЕГГЕРА
ОБ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИИ
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ А. Г. ЧЕРНЯКОВА***

В данном тексте анализируется интерпретация хайдеггеровского понятия онтологической дифференции, данная А. Г. Черняковым. В частности, здесь показывается его понимание связи тезиса онтологической дифференции с традиционным различием сущего как действительного и сущего как возможного. На этом фоне отмечается, что Черняков считал основанием этого различия различие подручного и наличного, которое только и способно выступать достаточным онтологическим базисом для разведения бытия и сущего (онтологической дифференции). Это же различие коренится в дифференциации экстазисов временности как смысла бытия человеческого сущего, которая и выступает предельной пра-дифференцией для всех прочих дифференций.

Ключевые слова: онтологическая дифференция, бытие, сущее, наличное, подручное, Мартин Хайдеггер, Алексей Черняков.

Patkul A. B.

*THE ALEXEI CHERNYAKOV'S INTERPRETATION OF MARTIN HEIDEGGER'S
THESIS OF ONTOLOGICAL DIFFERENCE*

In my paper I analyze the A. G. Chernyakov's interpretation of Martin Heidegger's thesis of ontological difference. I show that Heidegger does relate the ontological difference with the traditional distinction between the that-which-is as real essence (i. e. as possibility) and that-which-is as that what has an actual being. In this context I point that Chernyakov thought the division of the presence-at-hand and ready-to-hand is the basis of the difference between possible and actual that-which-is. It is also the basis of the differentiation of being and that-which-is (ontological difference). But

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00753 А «Рецепция и трансформация идей Мартина Хайдеггера в русской философской мысли».

the difference of the modes of ready-to-hand and presence-at-hand is rooted in the differentiation of the temporal structures of human *Dasein*.

Keywords: ontological difference, being, that-which-is, ready-to-hand, presence-at-hand, Martin Heidegger.

Философские труды Мартина Хайдеггера служили ориентиром для собственных исследований Алексея Григорьевича Чернякова (1955–2010) в области онтологии на протяжении едва ли всех лет, которые были посвящены этим мыслителем философским изысканиям. Чернякова у Хайдеггера интересовали разные аспекты его мышления: это и хайдеггеровский анализ темпоральности, и его идея онтологического приоритета повседневного озабочения, идущая от хайдеггеровского истолкования «Никомаховой этики» Аристотеля, и проблема собственности (подлинности) бытия человеческого существа, прежде всего, собственности бытия такового, поскольку оно осуществляет усилие философской мысли. В данном же случае следует обратить внимание еще на одну сторону хайдеггеровского мышления, которая была значимой для философского творчества Чернякова.

А именно речь пойдет здесь о хайдеггеровском тезисе *онтологической дифференции*, или онтологического различия, который анализировался петербургским философом как в его центральной монографии «Онтология времени. Бытие и время у Аристотеля, Гуссерля, Хайдеггера» [4, с. 381–434], так и в статье, которая специально была посвящена им данной проблеме, под названием «Онтологическая дифференция и темпоральность». Статья эта впервые была опубликована в журнале «Вопросы философии» в № 6 за 1997 г. [2], а затем была воспроизведена в посмертном сборнике статей Алексея Григорьевича под названием «Об утрате очевидности: на пути к новой онтологии» [3, с. 105–129].

Думается, что интерес Чернякова к проблеме онтологической дифференции был обусловлен, прежде всего, тем, что самого его крайне волновал вопрос о том, что же такое философия, с чем именно и каким именно образом она имеет дело — так, чтобы ни «то, с чем» философии, ни ее «то, каким образом» не могли бы быть смешаны с таковыми нефилософских модусов деятельности человека, будь то позитивная наука или богословие, политика или искусство. И в этой связи нельзя не заметить, что как раз в этой же связи понятие онтологической дифференции вводится и Хайдеггером. Оно начинает им использоваться, в частности, для того, чтобы в ситуации *предметного дефицита* философии, сложившейся уже к середине XIX столетия, показать, что на самом деле философия все же обладает таким сообразным ей предметом, разрабатывать который не может никакая другая наука, равно как и никакая вненаучная деятельность человеческого существа. Для иллюстрации приведем слова самого Хайдеггера:

«Чтобы сделать темой нашего исследования нечто такое, как бытие, мы должны суметь недвусмысленно провести различие между бытием и сущим. Это различие вовсе не первое встречное, но именно то самое, посредством которого онтология, а вместе с ней и сама философия, впервые обретают свою тему. Мы обозначаем это различие как онтологическую

дифференцию, т. е. как разведение (Scheidung) бытия и сущего. Только осуществив это отличие (по-гречески, *kríveiv*) — не отличие одного сущего от другого сущего, но бытия от сущего, — мы попадаем в поле философской проблематики. Только посредством такого критического образа действий мы сами удерживаемся внутри поля философии» [1, с. 20].

Итак, онтологическая дифференция — это различие бытия и сущего, благодаря которому может быть показано, что философия в качестве собственного для нее предмета располагает бытием. Поскольку же оно, согласно тезису онтологической дифференции, является радикально отличным от какого бы то ни было сущего, включая наивысшее и непреходящее сущее, т. е. Бога, ни один другой вид человеческой деятельности не способен иметь дело бытием как отличительным предметом философии, но всякий раз с той или иной областью сущего. Так как все эти типы деятельности заняты сущим, а таковое выступает для них чем-то заранее положенным (*positum*), все они, включая нефилософские науки и мировоззрение, являются, по мысли Хайдеггера, позитивными, тогда как философия — трансцендентальной, критической, темпоральной, априорной.

Посмотрим теперь, как именно и в каком именно контексте Черняков интерпретирует хайдеггеровский тезис онтологической дифференции.

Интересно, что к обсуждению этого тезиса изначально он подходит окольным путем — через реконструкцию средневековых трактовок сущего и интерпретации таковых у Хайдеггера. Пожалуй, мотивировано это тем, что за счет таких реконструкций можно прояснить значение хотя бы одного из различаемых в онтологическом различии — с прицелом на то, чтобы за счет этого прояснение сделать, пусть хотя бы только негативно, более ясным и само бытия как то, что радикально отлично от сущего. Прежде всего, здесь нужно развести (1) сущее в смысле того, что обладает некоторым актом бытия, бытием в действительности, независимо от того, какой именно сущностью это сущее обладает и (2) сущее в смысле обладающего реальной сущностью, независимо от того, есть ли оно в действительности или нет. И если в первом случае сущее получает смысл действительного, то во втором — оно сводится к только возможному, что получило наиболее последовательное воплощение в метафизике Лейбница, «отождествившего сущее (*ens*) и возможное (*possibile*)» [3, с. 107]. Разумеется, само по себе это различие не составляет еще онтологической дифференции в хайдеггеровском смысле, тем более что, как подчеркивает Черняков, например, для Ф. Суареса различие сущности-возможности и действительного существования совершается и имеет место «не в природе самих вещей, но в различающем интеллекте» [3, с. 109]. Впрочем, добавим мы, в некотором смысле это различие может быть все же рассмотрено и как относительно значимое для тезиса онтологической дифференции потому, что здесь разводятся не только сущее и сущее — сущее в действительности и сущее в возможности, но и, скорее, различные моменты его бытия — существование и сущность.

Так или иначе, направление исследования смысла онтологической дифференции у Чернякова задается переходом от различия сущего как по существу возмож-

ного и сущего как действительно существующего к другой дифференциации — дифференциации, которая только и способна, как, видимо, полагает Черняков, дать доступ к адекватному различению бытия и сущего. Этим различием является различие между только наличным (*das Vorhandene*) и подручной утварью (*das Zuhandene*). (Показательно, что именно Чернякову принадлежит предложение переводить хайдеггеровский термин *das Zeug*, обычно передаваемый как «средство» с помощью слова «утварь»). В трактовке Чернякова, именно сущее как подручное позволяет «непредвзято встретить сущее в стихии понимания» [3, с. 113].

Сообразно с этим Черняков различает у Хайдеггера две, как это называет автор «Онтологической дифференции и темпоральности», *предонтологические позиции*. Он пишет, что «в первой предонтологической позиции бытие сущего раскрывает себя в озбоченном понимании как момент в многообразии отсылов или как сама “сила” отсыла, вписанная в открытый горизонт отношений “для-того-чтобы”, горизонт попечения» [3, с. 118]. Во второй же предонтологической позиции «сущее полагается как самостоятельное “одно”, имеющее определенный “вид” и блюдущее пределы своей самости в свойственном ему определении...» [3, с. 118].

Разумеется, возникает вопрос о том, зачем Чернякову при реконструкции смысла онтологической дифференции нужно предварительно обращаться к дифференции подручного и наличного, которая, вне всякого сомнения, имеется и в онтологии самого немецкого философа, но связь которой с собственно онтологической дифференцией концептуально не вполне очевидна. Более того, и в историографическом отношении на материале трудов Хайдеггера, думается, было бы не так легко обосновать взаимосвязь этих двух тезисов.

На наш взгляд, логика реконструкции тезиса онтологической дифференции у Чернякова такова. Прежде всего, он считает, что принципиальная позиция Хайдеггера, отличающая его, в том числе, и от феноменологии Гуссерля, состоит в том, что сущее как наличное, — а таков характер интенциональных объектов сознания еще и в гуссерелевской феноменологии — скрывает бытие наличного сущего за самим этим сущим, соответственно, не позволяет считать с только наличествующего сущего основание отличия его от его бытия (наличествования как такового). В случае же именно подручного сущего, как уже было сказано, заявляет о себе и особенность его бытия, а именно благодаря схеме «для-того-чтобы», по которой понимается подручное как подручное. Но, с другой стороны, особенность подручного как подручного состоит в том, что оно никогда не выступает изолированно в некотором индифферентном пространстве, подобно произвольной наличной вещи. Подручное сущее (1) всегда вписано во взаимосвязь с другой обиходной утварью, в конечном счете определяясь как элемент мира, понятого как взаимосвязь имения-дела, а также (2) всякий раз занимает вполне определенное, а не индифферентное, место в этой взаимосвязи, исходя из которого оно только и получает свою предназначенность как средства именно «для-этого». Это означает, что и подручное само по себе также не способно стать достаточным примером для тематизации онтологической дифференции.

Выход, который находит Черняков из данного затруднения, состоит в том, что тематизировать онтологическую дифференцию, сделать ее доступной для

«онтологической рефлексии» способны ни подручное, ни наличное сущее, будучи взятыми изолированно, но исключительно сама модификация, позволяющая понимающему бытие сущему переключать понимание бытия сущего с подручного (такое понимание онтологически более изначально) на понимание бытия как только наличествования. Этот онтологический «процесс» модификации бытия как подручности в бытие как наличествующее у Хайдеггера Черняков именуется «событием про-исхождения наличного как производного».

«Событие про-исхождения наличного как производного состоит в том, что сущее выступает из незаметности или растворенности в обиходе, кристаллизуется и полагается как самостоятельное “одно”, как то, что есть оно само по себе..., самождественное..., и завершенное» [3, с. 119],

– описывает автор «Онтологической дифференции и темпоральности» данное событие. При этом он специально отмечает, что такая модификация не является произвольной и преднамеренной со стороны человеческого существа; она, как Черняков, используя гуссерелевское слово, выражается, является радикально «*unichlich*». И вместе с тем данная модификация имеет именно экзистенциально-онтологический характер, т. е. «событие про-исхождения наличного» коренится в бытийной структуре самого человеческого, т. е. понимающего бытие, сущего, т. е. в экзистенции. Модификация эта является только и исключительно экзистенциальной модификацией. Черняков делает из этого следующий вывод: «Как вытекает из наших предшествующих рассуждений, именно экзистенциально-онтологическая модификация есть условие различения и соотнесения двух предонтологических позиций и, следовательно, возможность появления для онтологической рефлексии такой темы, как онтологическая дифференция» [3, с. 120]. Отсюда становится также видно, что, по мысли Чернякова, онтологическая дифференция не может быть осуществлена в модусе предонтологическом, независимо от того, понимается ли бытие здесь как подручное или как наличное, но только в собственно онтологическом модусе — модусе, предполагающем возможность теоретической рефлексии на принципиальную возможность модификации понимания бытия подручного в понимание бытия как наличное. «Герменевтический перелом и полагает различие между внутримировым бытием и внутримировым сущим», [3, с. 120] — сказано в статье «Онтологическая дифференция и темпоральность». «Итак, вопрос об онтологической дифференции есть не что иное, как вопрос об условиях и основаниях экзистенциально-онтологической модификации», [3, с. 120] — заключает Черняков.

Отсюда, наконец, становится видным основание связи проблематики онтологической дифференции и темпоральности — связи, отмечавшейся также и самим Хайдеггером, согласно которому онтологическая дифференция времени себя во временности и из временности, соответственно, темпоральности. (см.: [1, с. 423–438]). А именно основание это заключается в том, что экзистенциально-онтологическая модификация сама является темпоральной модификацией, поскольку, по словам Чернякова, «Хайдеггер стремится показать, что в основании понятности подручного, с одной стороны, и явленности наличного — с другой, лежат разные темпоральные ориентации» [3, с. 120].

Такая модификация темпоральной ориентации связана, собственно, с хайдеггерским пониманием временности, которая трактуется им как предельный онтологический смысл такого сущего, как человеческое *Dasein*. Временность, согласно Хайдеггеру, в качестве своего базового элемента обладает не моментом «теперь», а равнозначальными экстазисами, так, что она целиком временится в каждом из них. Как отмечает Черняков, «экстатическая временность есть изначальное самонабрасывание, самопроектирование и самопроецирование *Dasein*» [3, с.125]. При этом «раскрытие близи, в которой утварь кажет себя как утварь, имеет своим основанием, как мы уже видели, горизонтальное единство темпоральных экстазисов, временность как таковую» [3, с. 126].

Таким образом, модификация понимания бытия из бытия как подручного в бытие как наличное предполагает соответствующее изменение в характере самих экстазисов временности и их композиции в рамках целого временности. Т.е. «в основе предметного полагания лежит некоторое различие, полагание центра в едином горизонте экстатической временности» [3, с. 127]. И модификация эта «предполагает в качестве своего условия выделение в темпоральном единстве определенного темпорального экстазиса, экстазиса настоящего» [3, с.127]. Более определено, временное основание указанной экзистенциально-онтологической модификации мыслится Черняковым у Хайдеггера так, что в случае подручности бытие понимается из целостности всех временных экстазисов, тогда как в случае наличности горизонт понимания бытия оказывается редуцированным только к экстазису настояния. Черняков пишет:

«Экстатическая темпоральность *Dasein* есть условие нашей встречи с сущим как таковым. Но для бытия подручного фундаментальным конститутивным моментом служит *единство* темпоральных экстазисов. Для бытия наличного как наличного *предмета*, напротив, основной конститутивный момент — полагание внутренней *дифференциации* в темпоральном горизонте» [3, с. 128].

Данный тезис Чернякова не представляется нам бесспорным, особенно если учитывать попытки Хайдеггера предъявить онтологическое основание для понимания бытия под рукой, исходя из презенции как трансцендентального горизонта именно экстазиса настояния — ход, затрудняющий, на наш взгляд, саму дифференциацию оснований понимания бытия как подручного и понимания бытия как наличного. Тем не менее, предложенная автором «Онтологической дифференции и темпоральности» схема, может служить достаточно эффективной эвристической моделью для прояснения как основания экзистенциально-онтологической модификации подручного в наличное, так и основания самой онтологической дифференции.

Сказанное и означает, что дифференциация бытия и сущего, модификация понимания бытия из подручного в наличное и укоренена в различии экстазисов времяящей себя временности, которые всегда уже дифференцированы в рамках единой временности. Поэтому дифференция экстазисов временности у Хайдеггера трактуется Черняковым как *пра-дифференция*, как «темпоральное пра-различение», которое «есть *различение различающее, differentia differens*» [3, с. 128].

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. — СПб: Издательство ВРФШ, 2001. — 445 с.
2. Черняков А. Г. Онтологическая дифференция и темпоральность // Вопросы философии. 1997. № 6. С. 136–151.
3. Черняков А. Г. Онтологическая дифференция и темпоральность // Черняков А. Г. Об утрате очевидности: на пути к новой онтологии. СПб: Издательство Института «Высшая религиозно-философская школа», 2016. С. 105–129.
4. Черняков А. Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. СПб: Высшая религиозно-философская школа, 2001. — 460 с.